

Шекспир. Библиотека великих писателей

Том I

УДК 82-3
ББК 84
Ш41

Ш41 Шекспир. Библиотека великих писателей: Том I / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 635 с.

ISBN 978-5-458-50212-2

Собрание сочинений Шекспира под редакцией С.А.Венгерова, с рисунками в тексте и многочисленными картинками на отдельных листах, выпущено в 1902-1904 гг. Брокгаузом и Ефроном.

ISBN 978-5-458-50212-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отъ редакціи.

Собраніе сочиненій Шиллера закончено и мы приступаемъ къ Шекспиру. Біографія и оцѣнка литературнаго значенія величайшаго изъ писателей новаго времени будутъ даны въ послѣднемъ выпускѣ нашего изданія Шекспира. Теперь же скажемъ только нѣсколько словъ о составѣ настоящаго собранія и его особенностяхъ.

Русская публика знакома съ Шекспиромъ уже болѣе 150 лѣтъ — съ 1748 г., когда появляется „Гамлетъ“ Сумарокова, хотя, собственно, къ англійскому оригиналу онъ имѣетъ мало отношенія и представляетъ собою грубую и безвкусную передѣлку самой по себѣ уже полной всевозможныхъ искаженій французской передѣлки Дюсиса. Отрывки изъ „Ромео и Джульетты“, изъ „Генриха IV“ и др. встрѣчаются въ журналахъ 1780 гг. Вначалѣ XIX вѣка число переводовъ и переложеній Шекспировскихъ пьесъ настолько значительно, что онѣ составляютъ замѣтную часть репертуара того времени. Но особенно часты становятся переводы Шекспира съ 1830-хъ и 1840-хъ годовъ, когда гениальная игра Мочалова сдѣлала имя великаго сердца вѣдца дорогимъ для самыхъ широкихъ слоевъ публики. Въ настоящее время число переводовъ отдѣльныхъ пьесъ Шекспира огромно: ихъ не одна сотня. Иныя драмы переведены по 15 разъ.

Начало полнымъ собраніямъ сочиненій Шекспира положилъ Н. Х. Кетчеръ. Въ концѣ 1830-хъ годовъ онъ предпринялъ *прозаическій* переводъ всѣхъ драмъ Шекспира, который закончилъ только черезъ трид-

цать лѣтъ. Кетчеровскій переводъ, какъ всякая проза, лишень обаянія, связаннаго съ метрическою формою. Но добросовѣстно, тщательно и съ любовью исполненный, онъ же обладаетъ и великимъ преимуществомъ всякаго прозаическаго перевода, гораздо ближе къ подлиннику передавая оттѣнки мысли и образовъ автора. Къ сожалѣнію, Кетчеръ увлекся такъ называемымъ Пайнъ Кольеровскимъ или Перкинсовымъ текстомъ, недостовѣрность котораго въ настоящее время уже внѣ сомнѣній.

Въ 1860-хъ гг. Н. В. Гербель предпринялъ изданіе сочиненій Шекспира въ стихотворномъ переводѣ лучшихъ переводчиковъ нашихъ. Кромѣ драмъ, сюда также вошли шекспировскіе сонеты и поэмы. Изданіе Гербеля получило широкое распространеніе и выдержало 5 изданій. Въ 1890-хъ гг. законченъ замѣчательный литературный подвигъ—*единоличный* стихотворный переводъ всего Шекспира А. Л. Соколовскаго, тоже потребовавшій тридцать лѣтъ. Въ 1893 г. редакція „Живописнаго Обозрѣнія“ дала въ качествѣ преміи прозаическій переводъ драмъ и сонетовъ Шекспира, подъ редакціей П. А. Каншина.

Такимъ образомъ наше собраніе сочиненій Шекспира является пятымъ. По составу и частью по переводамъ, въ него входящимъ, преслѣдуя, въ общемъ, тѣ же цѣли, какъ и всѣ предыдущія, оно имѣетъ, однако, и свои значительныя особенности.

Такъ, по составу своему, оно задалось цѣлью быть безусловно полнымъ собраніемъ всего того, что связано съ именемъ

Шекспира, т. е. не только того, что ему бесспорно принадлежит, но и того, что ему съ нѣкоторою долею вѣроятности только приписывается. Не касаясь пока смѣхотворной теоріи, полагающей, что драмы Шекспира „не могли“ быть написаны какимъ-то „малосвѣдущимъ“ актерикомъ, а вышли изъ-подъ пера многоученаго философа Бэкона, можно раздѣлить пьесы Шекспира на три разряда: 1) пьесы безусловно ему принадлежащія: „Два Веронца“, „Комедія ошибокъ“, „Ромео и Джульетта“, „Усмиреніе строптивой“, историческія хроники, „Лиръ“, „Макбетъ“, „Гамлетъ“ и др. Принадлежность ихъ Шекспиру или „Шекспиру-Бэкону“ устанавливается цѣлымъ рядомъ прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ, о которыхъ будетъ сказано въ предисловіяхъ и примѣчаніяхъ къ каждой пьесѣ; 2) пьесы, къ которымъ Шекспиръ, повидимому, только приложилъ руку, т. е. къ имѣвшемуся уже тексту другого автора сдѣлалъ разнаго рода добавленія и измѣненія. Къ этой категоріи относится огромный, на три части распадающійся „Генрихъ VI“ и др.; 3) пьесы, упорно съиздавна приписываемыя Шекспиру самими ранними источниками, но едва-ли ему принадлежащія, либо потому, что онѣ очень слабы („Титъ Андроникъ“), либо по другимъ соображеніямъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Пьесами перечисленныхъ трехъ родовъ ограничивается огромнѣйшее большинство какъ англійскихъ изданій Шекспира, такъ и переводовъ его на другіе языки.

Но есть еще двѣ пьесы — „Два благородныхъ родственника“ (The Two Noble Kinsmen) и „Эдуардъ III“, которыя даже весьма осторожные шекспирологи склонны приписать Шекспиру. Во всякомъ случаѣ пьесы могутъ быть причислены къ шекспировской школѣ и въ этомъ ихъ литературный интересъ.

Изъ русскихъ собраній сочиненій Шекспира Кетчеровское, Гербелевское и изданіе А. Л. Соколовскаго не взяли сейчасъ названныя сомнительныя пьесы. Изданіе „Живописнаго Обзорѣнія“ даетъ прозаическій переводъ „Эдуарда III“ и „Двухъ благородныхъ родственниковъ“. Въ нашемъ изданіи и „Два благородныхъ родственника“ и „Эдуардъ III“ впервые появятся въ стихотворномъ переводѣ.

Значительнѣйшая часть шекспировскихъ пьесъ давно уже имѣется на русскомъ языкѣ въ передачѣ многихъ талантливыхъ переводчиковъ. Редакція вошла въ соглашеніе

съ представителями правъ на эти переводы и въ настоящее изданіе войдутъ переводы *П. И. Вейнберга, П. П. Гиндича, Аполлона Григорьева, А. В. Дружинина, П. П. Козлова, А. И. Кронеберга, Всеволода Миллера, Теодора Миллера и А. Л. Соколовскаго.*

Но наше изданіе дастъ и рядъ новыхъ переводовъ. Считая каждую изъ пяти-актныхъ частей „Генриха IV“ и „Генриха VI“ за особое произведеніе—всего *десять пьесъ* переведены заново: „Зимняя сказка“—(переводъ *П. П. Гиндича*) „Генрихъ V“—(*А. В. Ганзенъ*) „Генрихъ IV“, (2 части)—(*Н. М. Минскаго*) „Ричардъ II“—(*Н. А. Холодковскаго*) „Генрихъ VI“ (3 части) и „Два благородныхъ родственника“—(*О. Н. Чюминой*); „Эдуардъ III“.

Сонеты и поэмы будутъ даны почти сплошь въ новомъ переводѣ, въ которомъ принимаютъ участіе *К. Д. Бальмонтъ, П. И. Вейнбергъ, В. С. Лухачевъ, Н. М. Минский, К. К. Случевскій, кн. Э. Э. Угломскій, А. М. Федоровъ, К. М. Фофановъ, П. Ф. Червинскій, Т. Л. Щепкина-Куперникъ, П. Я., кн. Д. Н. Цертелевъ, О. Н. Чюмина* и др.

Какъ и въ вышедшемъ подъ нашей редакціей собраніи сочиненій Шиллера, каждая пьеса будетъ снабжена историко-критическими предисловіями и (въ концѣ томовъ) историко-литературными примѣчаніями. Въ составленіи ихъ принимаютъ участіе: *Е. В. Аничковъ, почет. академикъ К. К. Арсеньевъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, проф. Ѳ. А. Браунъ, Зин. А. Венерова, С. А. Венеровъ, Юрій А. Веселовскій, А. Г. Горнфельдъ, проф. Н. П. Дашкевичъ, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, проф. А. И. Киртичниковъ, почет. академикъ А. Ѳ. Кони, проф. Всеволодъ Ѳ. Миллеръ, Ѳ. Г. Мищенко, П. О. Морозовъ, Л. А. Полонскій, Э. Л. Радловъ, приватъ-доцентъ М. Н. Розановъ, В. Д. Спасовичъ, почет. академикъ В. В. Стасовъ, проф. Н. И. Стороженко, проф. Л. Ю. Шенслевичъ, Л. И. Шестовъ.*

Въ порядкѣ печатанія пьесъ англійскія и континентальныя изданія Шекспира держатся самага различнаго порядка. Многія распредѣляютъ пьесы по содержанію, соединяя въ одну группу комедіи, въ другую—трагедіи, въ третью—историческія хроники. Незначительное меньшинство держится хронологическаго порядка. Многія соединяютъ въ одну группу знаменитыя и великія произведенія, въ другую произведенія менѣе значительныя, въ третью пьесы ранняго періода и слабыя. Наконецъ, многія изданія вовсе не держатся систематическаго порядка, либо руководствуясь разными практическими со-

ображеніями, либо слѣдуя какому-нибудь традиціонному приему старыхъ изданій. Такъ напр. установилась традиція начинать всякое изданіе Шекспира „Бурею“, хотя хронологически „Буря“ одно изъ самыхъ позднихъ произведеній, а по содержанію трудно поддается классификаціи и не можетъ быть причислена ни къ комедіямъ, ни къ трагедіямъ, ни тѣмъ болѣе къ историческимъ хроникамъ. Установилась же такая традиція благодаря тому, что первое собраніе сочиненій Шекспира—знаменитое in folio 1623 года начиналось именно „Бурею“.

Въ нашемъ изданіи мы держимся единственного, вполне научнаго метода—хронологическаго, при которомъ предъ читателемъ проходитъ вся внутренняя жизнь великаго писателя. Лучше всякой біографіи выясняется при такомъ послѣдовательномъ ознакомленіи исторія его творческаго настроенія—въ началѣ жизни радостнаго, веселаго, бодрого, полнаго вѣры въ торжество идеи даже при величайшихъ несчастіяхъ, и безнадежно-мрачнаго въ концѣ земнаго поприща, когда углубленіе въ основные вопросы челоѣческаго существованія уничтожило всякія иллюзіи и способность къ самообольщенію.

Обдумывая планъ иллюстрацій къ нашему изданію, мы пришли къ рѣшенію отступить отъ обычнаго типа иллюстрированія, который, какъ намъ казалось, даетъ читателямъ значительно меньше того, что можно дать при огромномъ интересѣ къ Шекспиру художниковъ всѣхъ странъ.

Иллюстрированныя изданія Шекспира распадаются на два разряда: съ *большимъ* количествомъ рисунковъ и съ *малымъ*. Изданія перваго типа почти всегда состоятъ изъ текстовыхъ иллюстрацій, рисованныхъ однимъ художникомъ. Таковы извѣстныя иллюстраціи Джильберта, Силуза, изъ новѣйшихъ — Бэйамъ Шоу и др. Основной недостатокъ единоличнаго иллюстрированія — однообразіе. У каждаго художника свои особенности: одному удается комическое, другому — трагическое, третьему — аксесуары и т. д. А между тѣмъ иллюстрировать надо моменты самые разнообразныя. И вотъ почему даже у такого очень талантливаго иллюстратора, какъ Джильбертъ на одинъ, два интересныя и характерныя рисунка десятки вялыхъ и безцвѣтныхъ. И во всякомъ случаѣ Шекспиръ, иллюстрированный однимъ художникомъ,

даетъ уже слишкомъ малое представленіе о томъ, что сдѣлано живописцами и рисовальщиками всѣхъ странъ для художественнаго коментированія великаго драматурга. Безграничная популярность Шекспира привлекала къ нему вниманіе длиннаго ряда талантливыхъ художниковъ. Среди живописцевъ, писавшихъ на шекспировскія тѣмы, мы встрѣчаемъ имена виднѣйшихъ представителей европейскаго искусства. Изъ англичанъ: Рейнольдсъ, Опи, Смиркъ, Гогартъ, Анджелика Кауфманъ, Фюсли, Гольманъ Гентъ, Мадоксъ Броунъ, Милзэъ, Орчадсонъ, Альма Тадема, Вальтеръ Крэнъ и многіе другіе. Изъ французовъ: Делакруа, Жеромъ. Изъ нѣмцевъ: Каульбахъ, Карлъ и Фердинандъ Пилоти, Гофманъ, Туманъ, Бэкеръ, Стейнле, Макартъ, Габриель Максъ, Менцель, Грюцнеръ. Русскіе художники мало занимались Шекспиромъ, но, всетаки, есть нѣсколько интересныхъ картинъ на шекспировскія тѣмы Константина Маковскаго, Рѣпина и другихъ.

Кое-что изъ сейчасъ названнаго встрѣчается въ иллюстрированныхъ изданіяхъ Шекспира втораго типа, дающихъ мало, но зато въ хорошемъ воспроизведеніи въ формѣ гравюрь, фотогравюрь и гелиогравюрь. Таковы англійскія, чрезвычайно дорогія роскошныя изданія: „Royal Shakespeare“, „Imperial Shakespeare“ и др. Сюда же примыкаютъ альбомы однѣхъ картинъ на шекспировскія тѣмы, безъ всякаго текста: нѣмецкій „Shakespeare Album“, изданіе Гроте; „Neue Shakespeare Gallerie“ Пехта; англійскій — „Graphic Shakespeare“ и другіе.

Послѣ извѣстнаго колебанія, вызваннаго трудностью задачи, мы остановились на рѣшеніи соединить въ одно оба типа. Настоящее изданіе: 1) съ одной стороны, соответствуетъ тѣмъ роскошнымъ изданіямъ, которыя ограничиваются 20—25 картинами, воспроизведенными, на отдѣльныхъ листахъ, гравюрою, фотогравюрою и гелиогравюрою. Приблизительно къ каждой изъ пьесъ будетъ дано по одной фото- или гелиогравюрь и, такимъ образомъ, всего, съ портретами Шекспира, въ настоящемъ изданіи будетъ около 45 фото- и гелиогравюрь. Кромѣ того, больше 50 картинъ будетъ воспроизведено на отдѣльныхъ листахъ (на мѣловой бумагѣ) автотипіею. 2) Рисунками въ текстѣ, которыхъ нѣтъ въ вышеназванныхъ роскошныхъ изданіяхъ, настоящее изданіе примыкаетъ къ тѣмъ, которыя даютъ *много* рисунковъ—по нѣскольку сотенъ. Но въ выборѣ этихъ текстовыхъ рисунковъ мы

совершенно отказались от мысли ограничиться одним каким-нибудь иллюстратором и воспроизводимъ все, что появлялось наиболее замѣчательнаго на тѣмъ той или другой пьесы.

Такимъ образомъ, настоящее изданіе можетъ быть названо: *Шекспиръ въ иллюстраціяхъ лучшихъ художниковъ* и въ этомъ видѣ представляетъ собою первую попытку не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Осуществленіе нашего плана представило очень значительныя затрудненія. Начать съ того, что крайне трудно установить, какія имѣются картины на шекспировскія темы. Въ огромной, безконечно разработанной шекспировской библиографіи, совершенно, однако, нѣтъ сколько-нибудь полныхъ указаній шекспировской иконографіи. Пришлось ихъ ad hoc искать въ сочиненіяхъ по исторіи искусствъ, въ словаряхъ художниковъ, въ каталогахъ разныхъ музеевъ и торговцевъ фотографіями и, наконецъ, обращаться непосредственно къ знатокамъ искусства и шекспирологамъ. Кое-что дала намъ коллекція картинъ и рисунковъ, собранная въ Шекспировскомъ музеѣ (Shakespeare Memorial), устроенномъ на родинѣ Шекспира, въ тихомъ и уютномъ Стратфордѣ на Авоуѣ. Но больше всего мы нашли гравюрь и снимковъ разнаго рода въ лондонскомъ Британскомъ музеѣ, который теперь, послѣ того какъ сильно пострадала отъ пожара бирмингемская шекспировская библиотека, обладаетъ самымъ полнымъ въ мірѣ собраніемъ шекспировскихъ изданій и иллюстрацій на шекспировскія тѣмы. Въ общемъ, не претендуя на то, чтобы намъ удалось ознакомиться со всею иконографіею Шекспира, думаемъ, однако, что все замѣчательное въ этой области не ускользнуло отъ насъ.

Вторая, едва-ли не самая большая трудность,—было достать оригиналы для воспроизведенія. Легко приобрести снимки съ картинъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій; совсѣмъ не легко достать снимки съ картинъ, появившихся лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда графическое искусство не получило еще такого колоссальнаго развитія, какъ въ наши дни; чрезвычайно трудно достать гравюры и полнотипажы 1820-хъ и 30-хъ годовъ; и прямо дѣло случая натолкнуться на сколько-нибудь полную коллекцію гравюрь конца XVIII и начала XIX вѣка. Благодаря связямъ лейпцигской фирмы Брок-

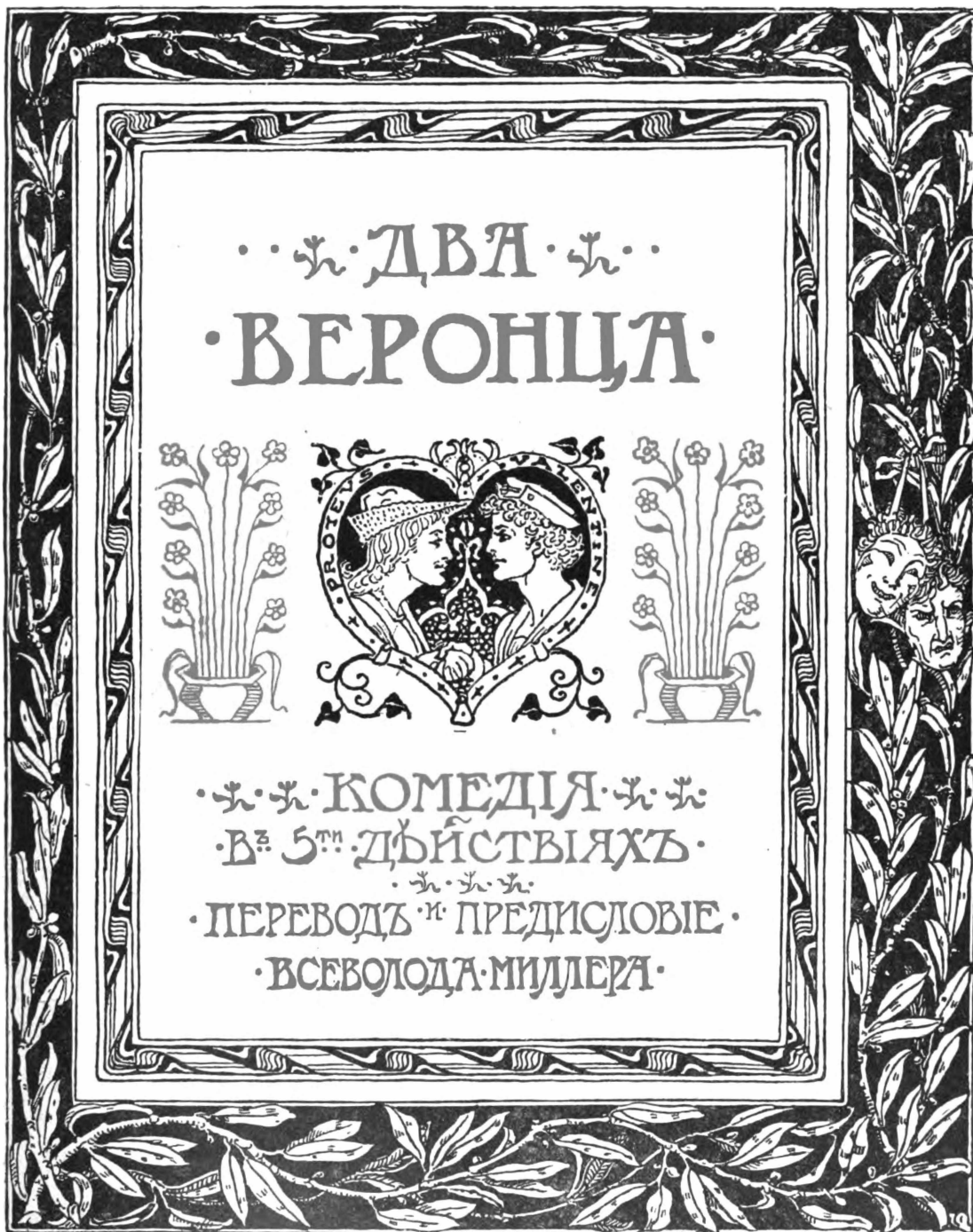
гауза и личнымъ поискамъ у лондонскихъ антикваріевъ, намъ удалось въ значительной степени преодолѣть представившіяся препятствія и собрать большую коллекцію шекспировскихъ изданій и рѣдкихъ гравюрь. Но кое-что не удалось достать. Въ этихъ случаяхъ приходилось снимать фотографіи съ музейныхъ экземпляровъ и воспроизводить съ этихъ фотографій.

Въ подписяхъ подъ рисунками и въ примѣчаніяхъ мы даемъ указанія о художникахъ и объ изданіяхъ, которыми мы пользовались. Здѣсь-же мы хотимъ только обратить вниманіе на то, что впервые въ европейской литературѣ въ нашемъ изданіи дана *вся* (около 150 картинъ) такъ называемая *Бойделлевская Галлерей*. (См. о ней въ примѣчаніяхъ къ I т.).

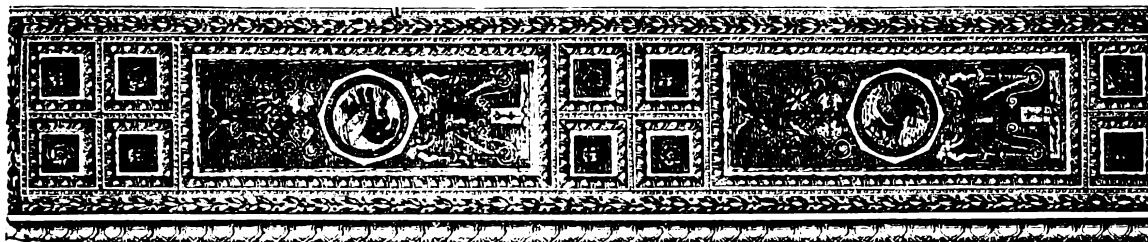
Кромѣ иллюстрацій въ тѣсномъ смыслѣ слова, всякому иллюстрированному изданію приходится заботиться объ орнаментѣ: титульныхъ рамкахъ, заставкахъ, концовкахъ. Намъ захотѣлось внести извѣстное разнообразіе и *поучительность* и въ эту часть нашего изданія, исходя при этомъ вотъ изъ какаго принципа. Орнаментака тщательно задуманныхъ иллюстрированныхъ изданій обыкновенно *стилизованана*. Если орнаментируется напр. пьеса, дѣйствіе которой происходитъ въ Италіи XV—XVI вѣка, то всякій добросовѣстный художникъ беретъ образцы эпохи Ренессанса и по нимъ komponуетъ. Такимъ образомъ въ лучшемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ добросовѣстнымъ подражаніемъ. Но не лучше-ли, однако, имѣть дѣло съ первоисточниками, съ тѣми образцами, которымъ добросовѣстная орнаментака подражаетъ? Въ силу этого соображенія, мы рѣшили, вмѣсто обычныхъ заставокъ, концовокъ и др. давать либо прямую орнаментуку эпохи, либо виды современныхъ зданій, костюмовъ, оружія, утвари и т. д. Въ пьесахъ, мѣсто дѣйствія которыхъ Италія, предъ читателемъ пройдетъ рядъ зданій, видовъ, костюмовъ и т. д. эпохи Ренессанса, въ историческихъ хроникахъ изъ англійской жизни—быть средневѣковой Англій, въ пьесахъ изъ древней жизни—аксесуары античнаго быта и т. д. При стремленіи современнаго театра къ реальной постановкѣ, эта историческая часть иллюстрацій можетъ быть очень полезной для режисеровъ и декораторовъ.

С. Венгеровъ.

Титульная рамка къ «Двумъ Веронцамъ» извѣстнаго англійскаго иллюстратора Вальтера Крэна («Eight illustrations Shakespeare's «Two Gentlemen of Verona», by Walter Crane. London 1894).

Орнаментъ Рафаэлевскихъ ложъ Ватикана.

ДВА ВЕРОНЦА.

Хотя комедія „Два веронца“ („The two gentlemen of Verona“), появившаяся въ печати впервые in folio въ 1623 году, не имѣетъ никакихъ внѣшнихъ фактическихъ указаній на время ея написанія, комментаторы давно уже единогласно признали эту пьесу однимъ изъ самыхъ раннихъ произведеній Шекспира. Уже крупные недостатки въ композиціи ясно говорятъ за ея раннее происхожденіе; на то же указываютъ анализъ стиля и метра, характеръ юмора и явные слѣды вліянія звфуизма. Поэтому большинство комментаторовъ относятъ эту комедію къ 1591 году, хотя нерѣдко раздавались голоса и за болѣе раннюю, и за болѣе позднюю дату*).

Сюжетъ пьесы показываетъ, что въ это время поэтъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ итальянской и испанской литературы новелль, пользовавшейся широкимъ успѣхомъ въ Англіи, какъ и во всемъ читающемъ обществѣ Европы, увлекавшемся пастушескими романами Рибейра, Саа де Миранда, Санназара и Монтемайора. Въ пьесѣ „Два веронца“ нѣкоторую часть матеріала Шекспиръ заимствовалъ изъ эпизода о Феликсѣ и Фелисменѣ въ „Діанѣ“ Монтемайора, написанной въ 1542 году (въ подражаніе „Аркадіи“ Санназара) и пользовавшейся огромнымъ успѣхомъ въ теченіе 70 лѣтъ, о чемъ свидѣтельствуютъ 16 изданій, выдержанныхъ этимъ пастушескимъ романомъ. Искусный въ созданіи характеровъ, Шекспиръ, какъ извѣстно, не отли-

чался изобрѣтательностью въ сюжетахъ и нерѣдко, встрѣчая фабулу или положеніе, имѣвшія успѣхъ у публики и понравившіяся ему, заимствовалъ ихъ, видоизмѣняя детали и возвращаясь къ тѣмъ же эпизодамъ иногда по нѣскольку разъ.

„Діана“, въ переводѣ Бартоломью Іонга, появилась въ печати лишь въ 1598 году, но, судя по приложенному къ ней предисловію, пролежала въ законченномъ видѣ около 16 лѣтъ и могла быть знакома Шекспиру, переходя въ спискахъ изъ рукъ въ руки, что было въ обычаѣ того времени. Весьма правдоподобно и то предположеніе, что поэтъ пользовался не самой новеллой Монтемайора, а утерянной драматической передѣлкой того же сюжета, именно пьесой, поставленной въ Гринвичѣ, въ присутствіи королевы Елисаветы (въ 1587 году) подъ заглавіемъ „The history of Felix and Philistena“. Какъ бы то ни было, исторія Протея и Юліи очень близко напоминаетъ исторію Феликса и Фелисмены, и несомнѣнно, что тѣмъ или инымъ путемъ Шекспиръ былъ знакомъ съ этой частью повѣсти Монтемайора. У послѣдняго Фелисмена любитъ молодого дворянина Донъ Феликса и, разлученная съ нимъ его отцомъ, отославшимъ сына въ другой городъ, переодѣвается въ мужское платье и слѣдуетъ за своимъ возлюбленнымъ. Прибывъ въ городъ, гдѣ находился Феликсъ, она узнаетъ, что онъ измѣнилъ ей, полюбивъ другую дѣвушку—Целію, и удостовѣряется въ этомъ, подслушавъ ночную серенаду, которую Феликсъ даетъ предмету своего новаго чувства. Не узнавая невѣрнымъ возлюбленнымъ, Фелисмена поступаетъ къ нему пажемъ и однажды, по порученію своего

*) За 1591 или еще болѣе раннюю дату стоятъ Delius Elze, Malone, Furnivall, Hales; за 1595 г.—Drake, Fleay и Chalmers; за 1592 годъ—Hertzberg; за 1592—93—Dowden.

господина, относить къ Целіи любовное письмо отъ него. Дальнѣйшая исторія является уже въ иномъ видѣ въ „Діанѣ“ и скорѣе напоминаетъ любовныя отношенія герцога, Віолы и Оливіи въ „Двѣнадцатой ночи“. Именно, прекрасная дама плѣняется красотой переодѣтой пажемъ дѣвушки и влюбляется въ нее. Конецъ—трагическій; Целія признается въ любви послу Феликса и, не находя, конечно, отвѣта на свою страсть, умираетъ съ горя. Феликсъ въ отчаяніи покидаетъ страну и уѣзжаетъ неизвѣстно куда, а Фелисмена отправляется разыскивать своего возлюбленнаго.

Кромѣ исторіи Протея и Юліи, заимствованной у Монтемайора, можно было бы указать еще на отдѣльные моменты пьесы, имѣющіе отношеніе къ другимъ источникамъ, напр., взятые изъ „Аркадіи“ Сиднея или изъ „Apollonius and Silla“ повѣсти Барнаби Рича (Barnabe Rich)*). Но эти заимствования очень несущественны.

Что касается главнаго сюжета пьесы, именно исторіи дружбы Валентина и Протея, то, по всей вѣроятности, мы имѣемъ въ немъ замыселъ самого Шекспира, такъ какъ до сихъ поръ, несмотря на тщательные поиски комментаторовъ, не найдено было ни одного произведенія, откуда Шекспиръ могъ бы заимствовать эту тему. Поэтому комедію „Два веронца“ слѣдуетъ признать самостоятельнымъ твореніемъ молодого Шекспира, быть можетъ, первымъ опытомъ на этомъ пути, такъ какъ раньше нашъ поэтъ занимался передѣлкой чужихъ пьесъ.

Вся комедія проникнута тѣмъ параллелизмомъ въ композиціи, который является довольно обычнымъ приѣмомъ въ раннихъ произведеніяхъ поэта.

Непостоянный Протей противопоставленъ вѣрному въ своихъ привязанностяхъ Валентину, умная и блестящая Сильвія—пылкой и нѣжной Юліи, юмористъ Лаунсъ—остряку Спиду, при чемъ слуги по характеру противопологаются своимъ господамъ. То же мы наблюдаемъ въ другихъ пьесахъ Шекспира, каковы: „Безплодныя усилія любви“, „Комедія ошибокъ“, „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, „Ромео и Джульетта“. Такая симметричность въ построеніи указываетъ на вліяніе романскаго искусства съ его стремленіемъ къ ясности, порядку и сим-

метріи, отчасти же можетъ быть поставлена насчетъ неопытности автора. Схематичность въ построеніи дѣйствія и группировки характеровъ несомнѣнно продуктъ искусственности, а не органическаго развитія и жизни. Еще неопытный въ первыхъ своихъ твореніяхъ, поэтъ самъ ставитъ себѣ опредѣленныя рамки, стремясь достигнуть единства впечатлѣнія распредѣленіемъ частей, и считаетъ свое произведеніе непрочнымъ, если ему не служитъ поддержкой нѣкоторая механическая система, какъ бы заранѣе опредѣляющая ходъ дѣйствія, свойства характеровъ и появленіе лицъ на сценѣ. Впослѣдствіи, когда геній Шекспира окрѣпъ и сталъ все глубже проникать въ истинную суть жизни, онъ самъ отбросилъ такіе искусственные приемы и предоставлялъ организму драмы развиваться по естественнымъ законамъ, достигая этимъ путемъ высшей неосязаемой цѣльности.

Комедія „Два веронца“—хорошенькая и занимательная пьеса на тему о вѣрной и непостоянной любви и о заблужденіяхъ, въ которыя впадаетъ охваченный страстью разсудокъ, пьеса хотя и слабая въ сравненіи съ позднѣйшими произведеніями Шекспира, но уже представляющая многообѣщающую работу молодого художника. Интересъ поддерживается не столько органическимъ развитіемъ дѣйствія и характеровъ, сколько отдѣльными прекрасными моментами. Стилъ „Двухъ веронцевъ“, особенно въ приподнятыхъ мѣстахъ діалога, указываетъ на сильное вліяніе Лилли. Поддаваясь литературному вкусу своего времени, поэтъ пользуется утонченнымъ, галантнымъ языкомъ, вычурными оборотами и звфуистическими хитросплетеніями, но, быть можетъ, въ этой пьесѣ находятся указанія на то, что Шекспиръ уже начиналъ оцѣнивать по достоинству искусственность „Анатоміи остроумія“ пресловутаго Лилли, бывшей въ то время настольной книгой для людей образованнаго общества въ Англии. Такъ, когда Валентинъ въ цѣломъ рядѣ пышныхъ и цвѣтистыхъ фразъ изображаетъ свою любовь къ Сильвіи, Протей замѣчаетъ на нихъ: „Мой другъ, къ чему напыщенность такая?“ (Д. II, сц. 4-я).

Во всякомъ случаѣ молодому поэту было простительно пользоваться „высшимъ стилемъ“, такъ какъ онъ господствовалъ въ то время во всей европейской изящной словесности и въ разговорѣ высшихъ классовъ. Поэты и ораторы старались искать гипер-

*) См. Von Friesen—«W. Shakespeare's Dramen» p. 150; Sidney Lee «A life of W. Shakespeare» (1899) p. 53.

болическихъ выраженій для чувства, колоритныхъ эпитетовъ, богатыхъ метафоръ, миеологическихъ сравненій и охотно прибѣгали къ каламбурамъ и разнымъ словеснымъ фокусамъ. Но уже въ „Двухъ веронцахъ“, тамъ, гдѣ является самъ Шекспиръ, не разряженный въ мишуру моднаго наряда мы находимъ прекрасныя описанія, истинно поэтическіе образы; уже ясно слышатся звуки прочувствованной эротической лирики, полной гармоническихъ, нѣжныхъ оборотовъ, чувствуется уже истинный юморъ и неподдѣльная веселость.

Въ „Двухъ веронцахъ“ Шекспиръ впервые избираетъ мѣстомъ дѣйствія Италію, куда послѣдствіи такъ часто уносило его воображеніе. Но напрасно стали бы мы отыскивать болѣе или менѣе искуснаго воспроизведенія итальянскаго колорита, который поражаетъ насъ въ позднѣйшихъ пьесахъ: передѣлкѣ „Укрощенія строптивой“, „Венеціанскомъ купцѣ“ и „Отелло“. Въ нихъ мы дѣйствительно находимъ столько характерныхъ подробностей и мѣткихъ эпитетовъ, что у многихъ критиковъ невольно явилось предположеніе, не совершилъ ли Шекспиръ путешествія въ Италію. Но въ настоящее время, повидимому, большинство комментаторовъ высказываются противъ такого предположенія. Разсматриваемая пьеса даетъ въ этомъ отношеніи только отрицательныя показанія: поэтъ даже не дѣлаетъ попытки воспроизвести итальянскую жизнь, и немногія подробности изъ быта и природы, которыя встрѣчаются въ пьесѣ, напр., театральное представленіе въ Духовъ день, ручеекъ ласково лобзающей осоку, перемѣнчивыя апрѣльскій день—принадлежатъ гораздо больше Англій, чѣмъ Италіи. Если бы Шекспиръ побывалъ въ Италіи, онъ, конечно, не могъ бы отправить Валентина въ Миланъ на кораблѣ. Правда, комментаторъ Эльце удосужился найти указаніе, что въ XVI вѣкѣ Верона и Миланъ были соединены каналомъ, но „Шекспиръ“, замѣчаетъ Брандесъ, въ общемъ симпатизирующей гипотезѣ объ итальянскомъ путешествіи поэта, „такъ же мало зналъ эту подробность, какъ то обстоятельство, что въ 1270 г. Богеміи принадлежали нѣкоторыя провинціи, лежавшія на берегу Адриатическаго моря“, хотя, слѣдуя Грину, заставляетъ своихъ героев въ „Зимней сказкѣ“ причаливать къ Богеміи на кораблѣ*).

Что комедія „Два веронца“ не пользо-

валась большимъ успѣхомъ у публики, видно уже изъ того, что позднѣе, и съ гораздо большимъ успѣхомъ, Шекспиръ пользовался эпизодомъ переодѣванія, напр., въ „Двѣнадцатой ночи“. Туда же перенесъ поэтъ и многія детали „Двухъ веронцевъ“. Такъ, діалогу между Сильвіей и Юліей, переодѣтой пажемъ, соотвѣтствуетъ разговоръ между Оливіей и Віолой, а рассказъ Юліи о собственныхъ страданіяхъ воспроизводится отчасти въ прекрасной сценѣ между Віолой и герцогомъ. Можно указать также на многіе моменты общіе съ другими произведеніями Шекспира. Сцена, гдѣ Юлія спрашиваетъ у Лячетты ея мнѣнія относительно своихъ жениховъ, служитъ какъ бы эскизомъ къ превосходной сценѣ такого же содержанія между Порціей и Нериссой въ „Венеціанскомъ купцѣ“. Протей такъ же быстро забываетъ Юлію при видѣ Сильвіи, какъ Ромео свою Розалинду при первой встрѣчѣ съ Джульеттой. Монологи Лаунса (II, 3) и Ланцелота Гоббо въ „Венеціанскомъ купцѣ“ (II, 2) близки по своему характеру, а серенада докучнаго жениха (IV, 2) вновь появляется въ „Цимбелинѣ“ (II, 3)*).

Хотя въ „Двухъ веронцахъ“ мы еще не видимъ болѣе или менѣе полного развитія характеровъ, однако дѣйствующія лица представляютъ уже значительный психологическій интересъ: многіе моменты схвачены и выражены ярко, въ изображеніи чувствъ замѣчается у молодого художника способность индивидуализировать своихъ героев, проникать въ глубь человѣческой души. Изъ мужскихъ характеровъ наибольшій интересъ представляетъ Протей—натура съ богатой умственной жизнью, слабымъ сердцемъ и изумительно гибкой нравственностью. Ловкій и изворотливый, одаренный живымъ умомъ, Протей—личность безхарактерная и глубоко эгоистическая; въ погонѣ за наслажденіями и новыми ощущеніями онъ очень неразборчивъ въ пріемахъ и средствахъ. Онъ знаетъ тайны любви, обладаетъ эротическимъ краснорѣчіемъ, быстро воспламеняется, но, достигая взаимности, столь же быстро охладѣваетъ. Въ первой сценѣ сентиментально-нѣжнаго прощанія съ другомъ мы уже наблюдаемъ его тонко-организованную натуру. Не увѣренный во взаимности Юліи, онъ погруженъ въ меланхолію и, какъ самъ заявляетъ, „съ умомъ въ раз-

*) См. статью Gisbert Freiherr Vincke «Die beiden Veroneser. als Bühnenstück» въ Jahrbuch der Deutschen Shakespeare-Gesellschaft, B. XXI, p. 149.

*) Брандесъ — Шекспиръ (1899) стр. 181.

доръ свѣтъ весь презираетъ, коснѣтъ въ лѣни, сердце надрываетъ“. Но достаточно письма Юліи, чтобъ онъ вознесся на седьмое небо и восклицалъ: О, счастье! о, милыя черты! о, ангель!“ (Д. I, сц. 3-я) Не долго, однако, продолжается эта игра въ чувство, и скоро Протею приходится поступить въ школу дѣйствительной жизни. Вынужденная разлука съ возлюбленной, впрочемъ, не вызываетъ въ немъ сильнаго протеста, хотя онъ и прощается съ нею, аффективно клянясь въ вѣрности. Одного взгляда на Сильвію достаточно, чтобъ прежде столь дорогой ему образъ померкъ и новый потокъ страсти увлекъ его, чтобъ утерялось всякое различіе между добромъ и зломъ, а нравственные законы потеряли силу передъ жадной наслажденія. Сознаніе, что онъ поступаетъ дурно, не исчезаетъ въ его анализирующемъ мозгу, и Протей (Шекспиръ рѣзко подчеркиваетъ это свойство) всякими софизмами старается оправдать себя, хотя бы въ собственныхъ глазахъ. Онъ самъ съ нѣкоторою наивностью признается, что станетъ измѣнникомъ другу и возлюбленной и ни передъ чѣмъ не остановится, лишь бы добиться своего; онъ побѣдилъ бы даже искушеніе, если бы это не требовало усилий: но борется, переламявать себя во имя дружбы и вѣрности—слишкомъ трудно для его неглубокой природы и является стѣсненіемъ, противъ котораго возмущается его эгоизмъ. И вотъ, подъ вліяніемъ страсти и легкомыслія, онъ отдается во власть охватившаго его потока. Въ результатѣ—цѣлый рядъ низкихъ поступковъ, доносовъ и обмановъ, такъ какъ онъ „самъ себѣ дороже Валентина“, и „любовь во всемъ всегда себялюбива“. Онъ ловко входитъ въ доверіе герцога, искусно обходитъ со своимъ соперникомъ Туріо, доноситъ и клеветаетъ на друга, чтобъ удалить его въ изгнаніе, мастерски ведетъ интригу, тѣмъ болѣе что обстоятельства сами помогаютъ ему; онъ преслѣдуетъ Сильвію своимъ ухаживаніемъ и когда, наконецъ, судьба отдаетъ на мгновеніе въ его руки беззащитную дѣвушку, готовъ пустить въ ходъ насиліе. Наступаетъ развязка: можетъ быть, Шекспиръ хотѣлъ показать, что эта утонченная и влюбчивая натура совершила эти поступки подъ вліяніемъ молодости и ослѣпленія страсти, не будучи порочной на самомъ дѣлѣ, что когда Протей уличенъ своимъ другомъ и видитъ себя во всей нравственной наготѣ, пелена спадаетъ съ его глазъ, уступая мѣсто искреннему раскаянію и сты-

ду; можетъ быть Шекспиръ дѣйствительно хотѣлъ, чтобъ эти преступленія молодости и страсти не ставились юношѣ въ грѣхъ и забылись, какъ тяжелый кошмаръ. Во всякомъ случаѣ раскаяніе Протея такъ слабо мотивировано въ развязкѣ, что эти сцены шаблонны и неестественны, а хорошо задуманная фигура испорчена.

Полную противоположность изворотливому и сложному Протею представляетъ его другъ Валентинъ. Онъ написанъ въ болѣе слабыхъ тонахъ, но служитъ Протею какъ бы необходимымъ противовѣсомъ. Это—натура цѣльная, здоровая физически и нравственно, честная и безхитростная. Отличный другъ, готовый на всякія жертвы и не способный по своему душевному благородству понять зла въ близкомъ человѣкѣ, онъ гораздо мужественнѣе, чѣмъ измѣненный Протей, и со своимъ умомъ, не знающимъ сомнѣній, увлекается внѣшнею діалектикой. Въ противоположность своему женолобивому другу, Валентинъ смѣется надъ любовью, и насколько Протей мастеръ въ сердечныхъ дѣлахъ и усердно разбирается въ своихъ чувствахъ, настолько Валентинъ далекъ отъ любви, которая должна сама его искать и улавливать. Но настаетъ и его часъ: Валентинъ полюбилъ горячо, искренно и безхитростно. Онъ настолько не догадливъ и неопытенъ, что его слуга долженъ разъяснить ему назначеніе письма, написаннаго имъ самимъ по просьбѣ Сильвіи. Хотя любовь и научаетъ его вздыхать, слагать любовныя вирши и ломать руки, однако онъ не потерялъ голову, какъ Протей, и не лишился своей энергіи. Наказанный за свой дерзкій планъ овладѣть Сильвіей безъ согласія ея отца, герцога, онъ идетъ въ изгнаніе и начинаетъ новую жизнь въ лѣсу, атаманомъ благородныхъ разбойниковъ. Къ сожалѣнію, развязка пьесы прибавляетъ къ довольно опредѣленной фигурѣ Валентина нѣсколько торопливыхъ и совершенно неестественныхъ штриховъ. Если онъ, узнавъ о козняхъ своего друга, и способенъ, повѣривъ его раскаянію, простить его, то отказъ отъ Сильвіи въ пользу Протея и такое явное невниманіе къ ея чувствамъ не имѣютъ уже никакого оправданія, особенно если принять въ расчетъ самостоятельность характера этой дѣвушки.

Въ интересно задуманныхъ женскихъ фигурахъ пьесы, не смотря на нѣкоторые промахи въ исполненіи, уже чувствуется искусная кисть Шекспира и его знаніе женской души. Характеръ Юліи, по вѣрному